

Норайр Дунамалян¹

Внешнеполитическая повестка США: Россия

(по состоянию на апрель 2025 г.)²

Видение РФ во внешнеполитической концепции Д. Трампа

Политика первой администрации Дональда Трампа (2016–2020 гг.) в отношении России демонстрировала уникальный для внешнеполитической практики США случай стратегической амбивалентности, обусловленной разрывом между институциональным курсом государства и риторикой самого президента. Эта двойственность выражалась в том, что при жесткой линии на уровне документов национальной безопасности и решений внешнеполитических ведомств, сам президент Трамп последовательно артикулировал риторику, ориентированную на сближение с российским руководством и на деконструкцию представлений о России как о системной угрозе.

В Национальной стратегии безопасности США от 2017 года РФ была обозначена как ревизионистская держава, стремящаяся подорвать международный порядок, поддерживаемый США, а также как источник киберугроз, дезинформации и региональной дестабилизации. Эти положения отражали консенсус внутри американского внешнеполитического аппарата, опирающийся на реалистическую школу международных отношений, согласно которой великодержавная конкуренция является определяющим фактором глобальной политики.

Однако на уровне исполнительной власти, в частности в публичной риторике Д. Трампа, Россия рассматривалась не как структурный соперник, а как потенциальный партнер по сделке. Президент США неоднократно выражал сомнение в выводах американской разведки по поводу российского вмешательства в выборы 2016 года, хвалил стиль руководства Владимира Путина, а также подчеркивал свою способность «договориться» с Россией на более выгодных для США условиях, чем это делал предшествующий истеблишмент. Особенно показательным в этом контексте стал саммит в Хельсинки в июле 2018 года, во время которого Д. Трамп публично поставил под сомнение достоверность разведданных США в пользу заявлений В. Путина.

Разрыв между институциональной и президентской линией создал ситуацию, при которой союзники США испытывали сомнения в устойчивости американской внешнеполитической позиции, а сама Россия получала двойственные сигналы – с одной стороны, усиление санкционного давления и разрушение системы контроля над стратегическими вооружениями, а с другой

¹ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета. Автор более 20 научных работ и статей.

² Статья представлена в редакцию 04.05.2025 г.

– демонстративную готовность к политическому сближению. Подобная неопределенность ослабляла эффект стратегии сдерживания, поскольку подрывала ее предсказуемость и трансатлантическую солидарность.

В совокупности, российская политика Д. Трампа может быть охарактеризована как проявление популистского персонализма во внешнеполитической практике. Этот подход демонстрировал слабую институциональную преемственность, высокую зависимость от субъективных оценок и политической конъюнктуры, а также ограниченную способность к формированию долгосрочной стратегии. В международном контексте это обстоятельство повышало уровень неопределенности и ослабляло коллективные механизмы реагирования на угрозы, в особенности – в рамках НАТО и обеспечения евроатлантического партнерства.

В то же время антикитайская политика Трампа отразилась на распаде системы договоров между США и СССР/РФ в области контроля над вооружениями (выход из Договора о ракетах средней и меньшей дальности и Договора по открытому небу), фактически ликвидировав установленный на протяжении 48 лет баланс сил в рамках ядерного сдерживания. С другой стороны, антииранская и произраильская позиция Д. Трампа привела к дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке (выход США из «Ядерной сделки» и убийство К. Сулеймани) и на Южном Кавказе, нарушив стратегическое равновесие между рядом региональных акторов.

Популистская повестка Трампа:

Россия как элемент внутренней борьбы в США

В основе этой противоречивой политики лежал характерный для трампилистского стиля управления популизм. В популистском дискурсе имидж Д. Трампа формировался в русле борьбы *«сильного лидера»* против *«корруптированного истеблишмента»*, что распространялось и на восприятие международных отношений. Трамп рассматривал международные отношения как арену взаимодействия *«сильных лидеров»*, что усиливалось посредством консервативной риторики. Несмотря на то, что многие эксперты не видят разницы во внешней политике популистов и непопулистов, сводя их к одинаковой приверженности прагматизму, *«народные трибуны»* склонны рассматривать все процессы (в т. ч. международные) через призму внутривнутриполитической борьбы и схватки за власть.

Как следствие, упрощенный взгляд на политические процессы представлял международные отношения в качестве системы персонализированных взаимодействий, где сложные институциональные или историко-культурные факторы оказывались вторичными. С другой стороны, отношения с союзниками и противниками упрощенно трактовались через категории *«личной лояльности»* или *«предательства»*, что привело к отказу

от сложных структурных отношений и обязательств в пользу двусторонних сделок и «бинарных» схем международных отношений.

«Российская» повестка стала главной в период первого президентства Д. Трампа и использовалась по-разному: демократы обвиняли Россию во вмешательстве в президентские выборы, а сам Д. Трамп использовал образ Путина и РФ в своей борьбе с «американскими элитами» и «теневым государством». Обе схемы были далеки от реальности, однако смогли нанести ощутимый ущерб институциональной системе США. После завершения президентства Дональда Трампа его риторика в отношении России оставалась в русле популистской интерпретации международной политики.

В ответ на военные действия на Украине в 2022 году Трамп не предпринял однозначного осуждения «*российской агрессии*», вместо этого сосредоточившись на критике администрации Джо Байдена и утверждении, что при его президентстве конфликта удалось бы избежать. Таким образом, Россия в трампиистском дискурсе продолжала оставаться не самостоятельным актором с собственными стратегическими интересами, а элементом внутривластной повестки США, что, в свою очередь, искажало реальную картину международных отношений.

Перспективы российско-американского «сближения» после 2024 года: дипломатия «повышенных ставок»

В первой половине 2025 года прошли первые с 2021 года полноценные дипломатические переговоры США и РФ. Об их результатах сложно судить, однако отметим, что Трамп воспринимает Россию не как цель своей дипломатии, а скорее как средство в борьбе с более «несговорчивыми» Китаем и Ираном. В трампиистской оптике (смеси колониализма образца XIX века и советско-американского противостояния 1960-х годов) с Россией легче найти общие точки соприкосновения, что проявляется в отношении конфликта на Украине и возврата к консервативным идеям. Однако на самом деле основ для сближения между странами на данный момент довольно мало.

Дело в том, что и здесь проявляется двойственность американской политики. Несмотря на заявления Трампа о Путине и РФ, институциональная структура российско-американских отношений запрограммирована на конфликт: санкционный режим против России зафиксирован законодательно (например, CAATSA) и большая часть американской элиты по-прежнему воспринимает РФ как геополитического противника. В 2026 г. состав большинством в нижней палате Конгресса снова могут стать демократы, что осложнит положение Д. Трампа и перспективы «*нормализации*» отношений с Россией.

При этом любая позиция нового президента США имеет тактический характер и направлена на «повышение ставок», поэтому доверие с российской

стороны также трудно будет восстановить. Как пример, диапазон отношений колеблется от «готовности нормализовать отношения» в феврале до «введения вторичных санкций и отказа от посредничества США в российско-украинском конфликте» в конце апреля 2025 года. По факту, американская сторона использовала переговоры с РФ как инструмент воздействия на Украину в рамках заключения сделки по редкоземельным металлам, а после подписания соглашения ([30 апреля](#)) перешла к [давлению](#) на Россию с целью принуждения ее к миру. Видимо, таким образом, Трамп пытается снова повысить «ставки» с точки зрения долгосрочного взаимодействия с Москвой.

В начале американо-российских переговоров в Саудовской Аравии многие аналитики (в частности, в России и на постсоветском пространстве) заявляли о «Ялте 2.0» и «разделе мира», однако, несмотря на пафос заявлений, кардинальных перемен в международной политике не произошло. Важнее то, что рост консервативных настроений в США и Европе показал несостоятельность идеологического восприятия глобального противостояния, что было ознаменовано переходом от «борьбы демократии против авторитаризма» к сделке по редкоземельным металлам и инвестициям как в Украине, так и России. В этом контексте можно отметить скорее «раздел» постсоветского пространства, где США и их союзники уже многое приобрели на Украине и на Южном Кавказе.

С другой стороны, такое разделение зон влияния может проходить не по территориальному принципу, а по определенным сферам добычи ресурсов, способствующих развитию высокотехнологичного производства. [Предложение](#) В. Путина совместно разрабатывать месторождения редкоземельных металлов в России (ок. 20% от мировых запасов) может быть частью такой тактики при возможности использования американского финансирования и технологий. В настоящее время ее доля в мировой добыче не превышает 1%, а рынок практически монополизирован Китаем. В этом контексте американские и российские долгосрочные интересы могут совпадать с точки зрения ограничения экономического, технологического и политического влияния КНР. Однако непредсказуемость политики Д. Трампа и экономическая зависимость Москвы от Пекина скорее всего не будут способствовать такому сценарию.

Южный Кавказ в контексте американо-российского диалога

Несмотря на отсутствие ясной позиции новой администрации в Вашингтоне по вопросам Южного Кавказа, регион может рассматриваться как элемент внешнеполитического инструментария Д. Трампа в контексте среднесрочного давления на Иран (переговорная [повестка](#), американо-израильская координация) и долгосрочной конкуренции с Китаем – прежде всего в рамках инфраструктурных проектов, таких как «Средний коридор».

Несмотря на кажущуюся пассивность США на южнокавказском направлении в 2017–2020 годах, администрация Д. Трампа проводила политику опосредованного влияния через стратегические связи с элитами Турции, Азербайджана и Грузии. Это обеспечивало Соединенным Штатам гибкость и относительную свободу маневра на фоне ослабления российских позиций в регионе. В текущих условиях индикатором вовлеченности США могут стать действия, направленные против Ирана, включающие косвенную поддержку Турции в Сирии и Израиля в секторе Газа. Однако такая политика охватывает слишком широкий спектр конфликтов, зачастую игнорируя реальные противоречия на местах – например, напряженность между Израилем и Турцией из-за Газы и положения сирийских друзов. Такой подход отражает свойственную нынешнему президенту США манеру внешнеполитических «рывков» – от локальных точек напряженности к широким попыткам пересмотра глобального порядка.

Региональный контекст Южного Кавказа также претерпел трансформацию. Ряд основ прежнего российско-американского взаимодействия здесь был разрушен в 2020–2023 годах. Проблематика карабахского урегулирования, традиционно выступавшая как зона относительного консенсуса между США и Россией в рамках Минской группы ОБСЕ, де-факто утратила актуальность после поражения Армении, этнических чисток против арцахцев и вывода российских миротворцев из Нагорного Карабаха. Напротив, грузино-абхазский и югоосетинский конфликты долгое время оставались предметом жесткого расхождения позиций – США выступали против российской «оккупации» грузинских территорий. Однако и этот вектор взаимодействия сегодня утрачивает значимость на фоне тенденции снижения антагонизма между Тбилиси и Москвой. В совокупности все это формирует новую архитектуру южнокавказского баланса, в которой роли США и России могут быть скорректированы. Изменения позиций сторон на Южном Кавказе могут идти по логике прагматичного разделения сфер в регионе, однако распад миропорядка ведет к доминированию «блоковой» предрасположенности государств к тому или иному полюсу (пример, заключение договора о стратегическом партнерстве между Россией и Ираном).

Таким образом, даже при кажущихся «ослаблении интереса» США (особенно при президентстве Трампа) или «потере контроля» России (на примере Армении), речь идет не об уходе из региона, а о смене модели геополитической игры. Страны Южного Кавказа в этом контексте становятся не объектом раздела, а фронтиром глобального соперничества, где стабильных «сфер влияния» может уже не существовать.

Вместо заключения: три сценария отношений

Российско-американское «сближение» по ряду причин может быть ограниченным и иллюзорным. Накопленные противоречия на фоне разрушения глобального баланса сил не могут быть сняты в рамках личного взаимодействия Трамп–Путин. В этом контексте нужны более долгосрочные институционально оформленные гарантии. Фактор Трампа может изменить стиль и тон американо-российского диалога, временно ослабить антироссийскую риторику и снизить напряженность, но стратегическое решение всех вопросов довольно проблематично.

Исходя из этого можно выделить три сценария развития событий:

1. **«Оптимистичный»** – В этом сценарии фактор Д. Трампа может стать катализатором перехода к прагматичной двусторонней сделке между США и Россией. В условиях нарастающей конфронтации с Китаем новая администрация США приходит к выводу о необходимости умеренного сближения с РФ ради сдерживания Пекина. В обмен на снятие части санкций и предоставление инвестиционных, технологических или логистических преференций Москва соглашается на ограниченное дистанцирование от Китая в ряде секторов: например, по редкоземельным металлам, ядерным технологиям или транспортной инфраструктуре. При этом происходит перезапуск отдельных механизмов стратегической стабильности и частичное восстановление доверия на треке безопасности. Южный Кавказ в этом контексте рассматривается как зона *«временного нейтралитета»* и отложенного конфликта, где стороны будут сдерживать любую эскалацию.

2. **«Пессимистичный»** – Политика Д. Трампа может оказаться инструментом дальнейшей дестабилизации. Публичные сигналы о готовности к сближению используются Вашингтоном как элемент давления и игры на повышение ставок в переговорах с Китаем и Ираном, в то время как институциональная линия (Конгресс, Пентагон, разведсообщество) продолжает курс на изоляцию и ослабление РФ. Россия, в свою очередь, пытается использовать *«окно возможностей»* для укрепления позиций в Южном Кавказе, на Ближнем Востоке и в Африке. Это приводит к серии асимметричных шагов, включая обострение конфликтов по периметру постсоветского пространства, что, в свою очередь, вызывает ответные меры США. В этом контексте *«дипломатия сделок»* трансформируется в дипломатическую ловушку: стороны теряют возможность к реальному сближению, нарастает хаос в зонах соприкосновения интересов, а Южный Кавказ становится ареной нового витка нестабильности – уже в формате многостороннего кризиса с участием Турции, Ирана, Израиля и других акторов.

3. **«Реалистичный»** – Наиболее вероятный сценарий развития российско-американских отношений в период второго президентства Д.

Трампа предполагает ограниченное взаимодействие в условиях общего стратегического противостояния. Имеет место своеобразная «заморозка» Украинского конфликта: стороны избегают прямой конфронтации, но не делают шагов к сближению. Основным инструментом взаимодействия становится тактический диалог по узким направлениям, не затрагивающим фундаментальные противоречия – например, по вопросам борьбы с терроризмом, космической безопасности, энергетике и сырьевому рынку. Периодические всплески дипломатической активности (вроде переговоров в Саудовской Аравии в 2025 году) не приводят к устойчивым договоренностям, а используются как инструмент внутренней легитимации и внешнеполитического маневра.

На Южном Кавказе это означает отказ США и РФ от широкомасштабного соперничества в пользу прагматичного сосуществования: стороны ограничиваются косвенным влиянием через союзников (например, Турцию и Иран), при этом избегая прямого вмешательства. Регион становится пространством «тестирования» новых моделей международного взаимодействия – от инфраструктурного партнерства до ограниченного экономического сотрудничества. Вместе с тем, отсутствие четких правил игры и продолжающийся кризис глобального порядка не исключают периодических вспышек нестабильности.

Во всяком случае вероятность того или иного сценария прежде всего зависит от реальных намерений властей США и РФ, а также от их способности формирования стратегической политики в условиях глобальной дестабилизации.